

Золотая посредственность

Николай Загреков в Русском музее

коммерсантъ - 2004 - 27 сент.
выставка живопись

С. 22

В Русском музее открылась выставка «Николай Загреков: возвращение в Россию», только что показанная в Третьяковке (см. „Ъ“ от 26 мая) и до Петербурга добравшаяся уже в несколько расширенном составе. Представлено около сотни картин, рисунков и плакатов изрядно забытого на родине русско-немецкого художника XX века. Подзаголовок проекта насчет репатриации можно понимать буквально: оба главных музея отечественного искусства надеются на передачу им ряда произведений Загрекова, работ которого у них нет вовсе. Комментирует АННА ТОЛСТОВА.

Если бы такого художника не существовало, его следовало бы выдумать. И не только потому, что биография Загрекова способна озолотить не одно поколение романистов и кинематографистов. И не только потому, что он — отличный повод для словозливых про духовную близость двух великих держав в год немецкой культуры в России. Просто такие мастера словно бы специально созданы, чтобы подтверждать крупнокалиберные искусствоведческие концепции про единство «салонного», «официозного», «тоталитарного» и прочих отрицательных искусств на Западе и Востоке.

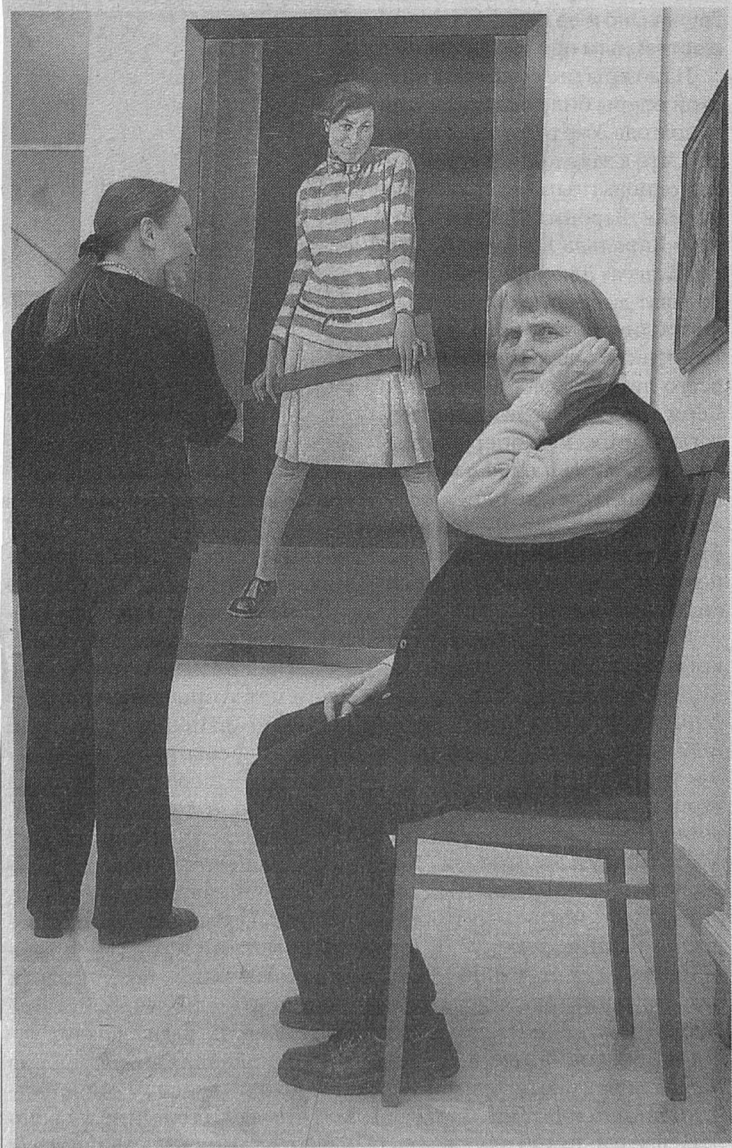
Жизнь Николая Загрекова (1897–1992), с виду вроде бы столь драматическая и насыщенная событиями, в сущности, поразительно стабильна — последовательный Drang nach Westen. Уроженец Саратова, в тамошнем Боголюбовском рисовальном училище он получил основательную прививку голубо-зеленого борисов-мусатовского, кузнецовско-савиновского символизма. С этим грузом отправился в московский, самых бунтарских лет, ВХУТЕМАС — к бубнововалетовцам Петру Кончаловскому и Илье Машкову. В 1921-м, благо был женат на поволжской немке, удрал стажироваться в Берлин, где и осел окончательно, превратившись в Nikolaus Sagrekow.

В Берлине карьера сложилась самым удачным образом. Его энергичные, стриженные под мальчика модницы-спортсменки 1920-х и мускулистые футболисты 1930-х легко вписались в ар-декошный гламур: знаменитую «Девушку с рейшиной» перепечатали на обложке мюнхенского Jugend, а в авторе признали видного представителя немецкой «новой вещественности». Это здоровое, жизнерадостное, с крепким академическим рисунком искусство трудно было заподозрить в дегенеративности, так что, невзирая на национальность, герр Загреков не особенно пострадал при национал-социалистах. В 1945-м в его доме

расположилась советская комендатура — тогда появилась целая галерея отличных портретов советских маршалов, лениных и сталиных в лучших традициях Дмитрия Налбандяна. Между тем дом художника оказался в Западном Берлине, и в последующие годы он переключился на другие модели (Вилли Брандта и менее видных политиков ФРГ) и другую, более демократическую, постимпрессионистскую манеру, в которой писал также совершенно вегетарианские пейзажи и натюрморты. Словом, проделал ту же эволюцию, что и многие его соотечественники поколения ОСТА в СССР. Конец творческого пути заместителя председателя Берлинского союза художников Nikolaus Sagrekow был ознаменован правительственными наградами, почетными премиями и открытием в мастерской (после смерти ее 95-летнего владельца) музея.

На выставке малоинтересное загрековское творчество последних 50 лет представлено скупо: преобладает суховатая плакатная живопись 20–30-х. Этот «лучший» Загреков в стилистическом плане — замечательный, хрестоматийный пациент, у которого отчетливо диагностируются все симптомы и синдромы модернизма неясной, правда, в национальном смысле этиологии. Вот вроде бы прощупывается лучизм, но от Михаила Ларионова он или от Ловиса Коринта — сам черт не разберет. Вот выявляется кубизм, но от «бубновых валетов» или от немецких сезаннистов — гадать бесполезно. Есть также что-то символистско-экспрессионистическое, чем можно было заразиться хоть от Кузьмы Петрова-Водкина, хоть от Карла Хофера. Главный же недуг — «нововещественная» фотографичность, но чего в ней больше — мюнхенца Александра Канольдта или оловца Александра Дейнеки — тема для бесконечных спекуляций. Творческий мир художника — совершенно без границ.

То есть Загреков — разом все и ничто, радужный мыльный пузырь, среднестатистический европейский модернист без резко выраженных политических и формальных привязанностей. И когда на церемонии открытия один из спонсоров проекта — вице-президент АФК «Система» Андрей Лапшов говорил про то, что наша страна «испытывает дефицит в национальной идее» и такие мастера, как Загреков, могут ее дать, казалось, что он недалек от истины. Дать не дать, а выразить-то точно. Потому что этим приятным и абсолютно компромиссным, равно годящимся для Сталина и Вилли Брандта языком можно выразить все, что надо любой подвернувшейся под руку власти.

Загрековским «Девушкам с рейшиной» готовы доверить создание новой национальной идеи ФОТО СЕРГЕЯ СЕМЕНОВА